

ФРЕЙЯ СЭМПСОН
БИБЛИОТЕКА
МОЕГО
СЕРДЦА

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С97

Freya Sampson
THE LAST LIBRARY

Copyright © 2021 Freya Kocen
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd
and The Van Lear Agency LLC

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Redshinestudio, Bodor Tivadar / Shutterstock.com.
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Юлии Хохловой

Художественное оформление Екатерины Петровой

Сэмпсон, Фрейя.

С97 Библиотека моего сердца / Фрейя Сэмпсон ; [перевод с английского Ю. Хохловой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-122385-4

Джун работает в библиотеке, и привычный образ жизни вполне ее устраивает: книжные томики, китайская еда на вынос и пушистый кот Алан Беннетт.

Джун знает все о постоянных посетителях библиотеки, но после смерти мамы старается избегать общества людей. Но в один день все меняется.

Местные власти грозятся закрыть несколько библиотек, и жители выступают против. Джун хочет присоединиться к недовольным, но сотрудникам библиотеки запрещено участвовать в этом конфликте. Одного местные власти не учли: сотрудникам библиотеки не запрещено распутывать хитрые схемы.

Очень скоро Джун поймет, что закрытие библиотеки кое-кому очень выгодно. А значит — надо действовать.

Кто знает, может, эта операция по спасению библиотеки снова подарит Джун надежду и откроет сердце для новой дружбы и любви.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Хохлова Ю., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-122385-4

Посвящается
Энди, Олив и Сиду

• Глава 1 •

Многое можно сказать о человеке по книгам, которые он берет в библиотеке. Когда в работе наступало затишье, Джун играла в игру: выбирала читателя и, основываясь на его книжных предпочтениях, придумывала про него историю. Сегодня ее мишенью стала дама средних лет, взявшая пару романов Даниэлы Стил и путеводитель по Исландии. По некотором размышлении Джун пришла к выводу, что та, устав от безрадостного брака с хамом и грубияном, собирается сбежать в Рейкьявик. Там она влюбится в сурового бородатого исландца, но едва успеет обрести свое счастье, как заявится ее муж и скажет...

— Это не книга, а кусок дерьма.

Джун очнулась от грез. Перед ней стояла миссис Брэнсворт, потрясая романом Кадзуо Исигуро «Остаток дня».

— Чушь собачья, да и только! Слути, хозяйева — чистой воды капиталистическая пропаганда! Я и то бы лучше написала.

Миссис Би заходила в библиотеку несколько раз в неделю, зимой и летом щеголяя в старой дубленке

и перчатках без пальцев. Книги она выбирала бессистемно: то руководство по прокладке водопроводных труб, то роман нобелевского лауреата. Однако, что бы она ни взяла, вердикт каждый раз был один и тот же.

— Надо сдать свой читательский билет в знак протеста.

— Жаль, что вам не понравилась книга, миссис Брэнсворт. Хотите посмотреть новые поступления?

— Наверняка там тоже одно дерьмо.

Пожилая дама твердым шагом направилась к стеллажу со спортивными журналами, оставив после себя слабый, но стойкий аромат козьей шерсти.

Джун загрузила дряхлую проволочную тележку с возвращенными книгами и осторожно повезла ее через зал. Чалкотская библиотека занимала продуваемое всеми ветрами кирпичное здание, возведенное в конце девятнадцатого века. В течение восьмидесяти лет в нем располагалась школа, однако многое с тех времен сохранилось — например, протекающая шиферная кровля, растрескавшаяся плитка на полу и неистребимое семейство мышей, прогрызающих ходы сквозь коробки с архивами на чердаке. В девяностых в библиотеке сделали ремонт — появились лампы дневного света и унылый зеленый ковролин, однако Джун нравилось представлять на месте книжных стеллажей школьные парты, за которыми неумытые ребяташки, жившие почти полтора века назад, старательно выводили свои первые буквы, совсем как в романе «Джейн Эйр».

По залу решительно шагала начальница Джун. Из ее сумочки выглядывал потрепанный экземпляр «Миссис Дэллоуэй».

— Зайди ко мне в кабинет. Немедленно.

Марджори Спенсер носила звание заведующей библиотекой словно боевую медаль. Она во всеулышание заявляла, что читает исключительно интеллектуальную литературу, однако Джун знала: Марджори минимум три раза брала домой «Пятьдесят оттенков серого». Девушка проследовала за начальницей в ее кабинет. Когда-то здесь была комната для персонала, а по совместительству чулан, но десять лет назад Марджори водрузила сюда рабочий стол и даже повесила на дверь табличку с собственным именем. Для стульев места не осталось, поэтому Джун присела на коробку с бумагой для принтера.

— Строго *entre nous*¹: мне только что звонили из совета, — сообщила Марджори, теребя нитку жемчуга на шее. — В понедельник вызывают на срочное совещание. В зал заседаний. — Она сделала паузу, дабы убедиться, что ее слова произвели на Джун надлежащее впечатление. — В мое отсутствие тебе придется справляться самой.

— Хорошо.

— Отменить «Детский час» уже не успеем, так что проведешь его вместо меня.

У Джун внутри все сжалось.

¹ Между нами (фр.). (Здесь и далее прим. перев.)

— Ой, я совсем забыла, но у Алана...

— Никаких «но». Мы все идем на жертвы ради библиотеки.

— Марджори, вы же знаете, я не могу...

— Да ладно тебе, это всего лишь детские потешки, а не «Песни хвалы»¹.

Джун хотела возразить, но Марджори уже уткнулась в монитор, давая понять, что разговор окончен.

Пробило пять часов — рабочий день подошел к концу. Джун принялась наводить порядок, стараясь не обращать внимания на тоскливую тяжесть в животе, однако все ее мысли были только о «Детском часе». Представив детей и родителей, не сводящих с нее глаз, она невольно содрогнулась и уронила стопку газет.

— Могу я предложить вам руку помощи, дорогая? — поинтересовался Сидни Фелпс, сидящий в своем любимом кресле.

— Нет, спасибо, я справлюсь, — отозвалась Джун, собирая разлетевшиеся страницы. — Уже пять, Сидни. Боюсь, вам пора домой.

— Сперва я хотел бы попросить вашего содействия. «Чтобы избежать этого, наладьте связь с внешним миром». Восемь букв, первая «и».

Джун немного подумала, покрутила загадку в уме, как учил Сидни.

— Может, «изоляция»?

— Браво!

¹ «Песни хвалы» (Songs of Praise) — религиозная программа на телеканале «Би-би-си», в которой исполняются христианские гимны разных конфессий.

Сидни Фелпс любил исторические романы, действие которых разворачивалось во время Второй мировой. Джун знала его с тех самых пор, как начала здесь работать, то есть уже лет десять. Он приходил в библиотеку почти каждый день. Пожилой джентльмен изъяснялся словно персонаж Вудхауза, поэтому Джун представлялось, что он живет в роскошном, пусть и несколько обветшавшем особняке, спит в шелковой пижаме и ест на завтрак копченого лосося. Кроссворд в «Дэйли телеграф» был одним из его ежедневных ритуалов.

— У меня кое-что есть для вас. — Сидни достал из сумки букетик увядших цветов, перевязанных тесемкой. — С днем рождения.

— Спасибо большое, я очень тронута. — Девушка покраснела. Она ни с кем из библиотеки не обсуждала свою личную жизнь, однако несколько лет назад Сидни каким-то образом выведал ее день рождения и с тех пор всякий раз поздравлял.

— Как отпразднуете?

— Собираюсь встретиться с друзьями.

— Желая хорошо повеселиться. Вы заслуживаете великолепного праздника.

— Спасибо. — Джун опустила взгляд на букет, лишь бы не смотреть Сидни в глаза.

В половине шестого Джун вышла из библиотеки. Стоял теплый летний вечер. Она заперла тяжелую дверь и направилась по главной улице — мимо супермаркета, заколоченной пекарни, где они с мамой

покупали пончики с джемом, и паба, где отмечали ее восемнадцатилетие. Встретив у бывшего почтового отделения пару постоянных читателей, Джун обменялась с ними вежливыми кивками, миновала церковь, закусную «У мистера Конга» и оказалась в районе «Ивовая роща» — лабиринте узких улочек, застроенных неотличимыми друг от друга таунхаусами с крошечными палисадниками и одинаковыми мусорными баками на колесиках. Джун жила здесь с четырех лет, в доме с зеленой дверью и выцветшими красными занавесками.

— Я дома!

Она сняла кофту, поставила туфли на полочку и прошла в гостиную, на ходу поправив криво висящую рамку. С фотографии на нее смотрела кудрявая шестилетняя девочка с брекетами. К счастью, в брекетах давно уже нет необходимости, однако непокорные каштановые волосы до сих пор доставляли Джун множество хлопот: каждое утро ей приходилось выдерживать настоящее сражение, чтобы заколоть их в пучок. Убедившись, что фотография висит как полагается, девушка подошла к большому книжному шкафу во всю стену и оглядела ровный ряд корешков. Адичи Ч., Алендер К., Бичер-Стоу Г.Э. Найдя то, что искала, она направилась в кухню, поставила в микроволновку лазанью и налила бокал вина.

В доме стояла гробовая тишина; было слышно, как у соседей работает телевизор. Джун разобрала утреннюю почту — уведомление о вывозе мусора и «Даннингширский вестник», пролистав газету, не

завалилась ли между страниц поздравительная открытка, но ничего не обнаружила и, подавив разочарованный вздох, сделала глоток вина.

Микроволновка звякнула. Джун вздрогнула от неожиданности. Она положила разогретую лазанью на тарелку, добавила в качестве гарнира несколько ломтиков огурца, села за стол и взялась за книгу. На потрепанной обложке виднелось почти стершееся заглавие: «Гордость и предубеждение». Титульный лист украшала надпись: «15 июня 2003 года. Моей Божьей коровке. Поздравляю с двенадцатилетием! С хорошей книгой не бывает одиноко. С любовью, мама».

Джун положила в рот кусок лазаньи, бережно перевернула страницу и углубилась в чтение.

• Глава 2 •

— Алан Беннетт, куда ты запропастился?

Субботнее утро Джун провела в поисках: обошла весь дом, заглянула в чулан и на чердак, но безрезультатно.

— Алан, хватит шутить, выходи, — позвала она, но в доме по-прежнему стояла тишина.

Девушка положила ломтик хлеба в тостер, включила чайник и вслушалась в шипение закипающей воды, стараясь подавить нарастающее беспокойство. Перед ней простирались длинные блаженно свободные выходные. Обычно предвкушение долгих часов чтения наполняло Джун радостью, но этим утром ее не отпускала тревога. За десять лет работы в библио-

теке ей благополучно удавалось избежать «Детского часа» и прочих мероприятий, где требовалось выступать публично. Тем не менее в понедельник она должна будет выйти к детям и их родителям, болтать, петь песенки и всячески развлекать их, словно... Джун откусила кусочек тоста, но он оказался ей будто сделанным из картона. Она со вздохом отодвинула тарелку.

Пять минут спустя Джун устроилась на диване с испещренным закладками томом «Войны и мира». Ей никак не удавалось одолеть это произведение. Пора сделать еще один подход: кирпич в тысячу с лишним страниц — отличное средство, чтобы отвлечься от невеселых мыслей. Ее мама обожала этот роман, и Джун чувствовала себя немножко виноватой, что не смогла с ним справиться. Она поднесла книгу к лицу, вдохнула умиротворяющий запах старой бумаги, к которому примешивался аромат мыла и слабая нотка сигаретного дыма. Перед глазами встал мамин образ: на коленях у нее книга, на подлокотнике дивана — пепельница. Они провели множество выходных в гармоничной тишине, изредка прерываемой маминым тихим смехом. От воспоминаний защемило сердце. Джун открыла «Войну и мир» и погрузилась в чтение.

Не успела она одолеть и тридцати страниц, как в дверь позвонили. Сперва ей пришло в голову, что это почтальон со стопкой поздравительных открыток, но тут же включился голос разума: глупо тешить себя беспочвенными иллюзиями.

Ее взору предстала соседка Линда в феерическом платье цвета фуксии и с массивными золотыми серьгами. Линда была без ума от романов Джилли Купер и одевалась так, словно Руперт Кэмпбелл-Блэк вот-вот нагрянет в Чалкот и умчит ее на бал, невзирая на ранний час. На руках у нее сидел возмущенный Алан Беннетт.

— Смотри, кого я нашла в бельевом шкафу. Хитрый маленький пролаза!

Алан рассерженно зашипел и спрыгнул на пол.

— Линда, простите, пожалуйста. Я его обыскала.

— Ничего страшного. Ты не занята? — Не успела Джун ответить, как соседка протиснулась в дверь и решительно направилась в гостиную, бросив через плечо: — Мне без молока, я на диете.

Джун налила две кружки чая. Линда уже расположилась на диване и листала «Войну и мир».

— Боже мой, дорогая, зачем ты так себя мучаешь? — Она с отвращением швырнула книгу на пол.

— Мама любила этот роман.

— Бедняжка совсем не разбиралась в литературе. Я принесла ей все романы Джилли, а она так ни одного и не прочитала, представляешь? — Линда в ужасе приподняла густо накрашенные брови. Джун рассмеялась.

— Вынуждена признать, «Война и мир» для меня тоже тяжеловат.

— Слава богу, твоя мама любила джин и сплетни, иначе мы вряд ли бы подружились. — Линда глотнула чая. — Я, кстати, вчера как раз ее вспоми-

нала. Помнишь, на семь лет мы испекли тебе торт из книжки «Чарли и шоколадная фабрика»? Хотели соорудить стеклянный лифт, но где-то перемудрили, и эта штукавина покосилась навроде Пизанской башни. — Она зычно расхохоталась, плеснув горячим чаем на диван.

— Вы пекли лучшие торты на свете, — улыбнулась Джун. На шесть лет мама с Линдой сделали ей торт в виде гигантской паучихи и розового поросенка из «Паутины Шарлотты», а на десять попытались слепить из сахарной мастики Гермиону и Хагрида (в результате получились скорее персонажи из фильма ужасов; тот шедевр Джун с мамой доедали почти неделю).

— Нет чтобы попросить обычный торт «Принцесса», — с притворным раздражением развела руками Линда. — Кстати, как прошел день рождения? Отпраздновала с друзьями?

— Спасибо, нормально.

— Ага... — судя по тону Линды, ей было известно, что единственные друзья Джун — Элизабет Беннетт и мистер Дарси¹. — А у меня для тебя подарок.

Она вручила Джун прямоугольный сверток. Та приняла его с некоторым волнением. Линда обычно дарила подарки с подтекстом: в прошлом году это была книга «Как влюбить в себя любого», в позапрошлом — «Как перестать беспокоиться и на-

¹ Персонажи романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение».

чать жить». Джун развернула обертку и обнаружила «И что теперь? Начни новую жизнь за 90 дней».

— Я увидела ее в благотворительном магазине. Решила, тебе как раз подойдет, — заявила Линда, сияя от гордости.

— Большое спасибо. — Пробежав глазами аннотацию на задней обложке, Джун зацепилась взглядом за слова «сменить надоевшую бессмысленную работу». — Библиотека — вовсе не бессмысленная работа, — возразила она, не в силах подавить обиженные нотки в голосе.

— Конечно, нет, но... ты же сама понимаешь. — Линда замолчала. Джун напряглась, ожидая неизбежного. — Почти восемь лет прошло. Понимаю, ты тоскуешь по маме. Я тоже по ней скучаю, но не пора ли немного встряхнуться?

Джун сделала глоток чая. Каждый год на ее день рождения Линда заводила один и тот же разговор. Нужно просто молчать и ждать, когда она выговорится.

— Вряд ли ты об этом мечтала в юности, — продолжала та. — Помнишь, перед тем как мама заболела, ты собиралась поступить в университет и стать писателем. Может, настало время воплотить мечту?

— В детстве у всех бывают глупые мечты. Мне нравится работать в библиотеке.

— Допустим, но не обязательно в таком захолустье, как Чалкот. Ты же хотела жить в Кембридже. Наверняка там тоже есть библиотеки.

— Зачем мне уезжать? Мой дом здесь. — Джун обвела взглядом гостиную: шкаф, заполненный кни-